

РАСШИРЕНИЕ ПРОБЛЕМАТИКИ ИССЛЕДОВАНИЙ БЕЗОПАСНОСТИ*

НИКОЛАЙ ЮДИН

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Резюме

Вопросы безопасности занимают центральное место в изучении международных отношений. Вместе с тем в определении самого понятия «безопасность» остаются пробелы. Это обстоятельство не только препятствует осмыслению особенностей становления и эволюции научных школ, их текущего состояния и перспектив дальнейших исследований, но и затрудняет разработку и реализацию на практике стратегий, призванных ответить на новые вызовы и угрозы индивидам, обществам, государствам и международному сообществу в целом. Задать основу для системного изучения понятия «безопасность» может обращение к анализу базовых онтологических и эпистемологических установок, на которых строятся наиболее распространенные подходы к его определению. С этой целью в статье рассматривается полемика, развернувшаяся в международно-политической науке в 1990-х годах относительно возможности, допустимости и необходимости качественного расширения исследовательского поля безопасности в постбиополярный период.

Анализ этой дискуссии позволяет выделить два принципиально различных способа концептуализации понятия «безопасность»: традиционный и постмодернистский. Расхождения между ними проявляются в таких фундаментальных вопросах, как оценка субстантивного статуса субъекта и объекта безопасности; возможность обретения объективного знания о процессах и явлениях в сфере безопасности; цель исследований безопасности. Соответственно, в обсуждении вопроса о расширении исследовательского поля безопасности можно условно выделить два уровня: первый – составляют исследования, написанные в рамках рационалистических подходов; появление второго уровня увязывается с проникновением в исследования безопасности постмодернистских, дискурсивных подходов, которые предложили альтернативный взгляд на ключевые элементы теории международных отношений, ее основные понятия и принципы.

Подобное структурирование подходов к изучению проблематики безопасности может стать отправной точкой при осмыслении современных концепций безопасности, оценке и уточнении их содержания и значения.

Ключевые слова:

теория международных отношений; исследования безопасности; неореализм; либерализм; постмодернизм; конструктивизм; секьюритизация; Копенгагенская школа; холодная война.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 15-18-30066).

Для связи с автором / *Corresponding author:*
Email: nicolas.yudin@gmail.com

Вопросы безопасности занимают стержневое место в исследованиях международных отношений со времени их оформления в самостоятельную дисциплину. Тем не менее эта фундаментальная категория международно-политической науки остается недостаточно определенной (см. подробнее: [Baldwin 1997]). К настоящему моменту сформировался обширный пласт работ, в которых рассматриваются как общие тенденции эволюции исследований безопасности в международных отношениях¹ [Buzan 1991, 1997; Smith 1999; Security Studies 2008; Buzan, Hansen 2009], так и отдельные направления и подходы внутри них [Walt 1991; Krause 1998; Hansen 1997; Farrell 2002]. В то же время само понятие «безопасность» в этой литературе, как правило, не проблематизируется. В отечественных публикациях задача концептуального анализа если и ставится, то решается через рассмотрение нетрадиционных вызовов и угроз, порождаемых процессами глобализации (см., например: Рыхтик 2002)); увязывается с различными вариантами центросиловой конфигурации международных отношений [Сергунин 2005]; сводится к рассмотрению официальных формулировок, закрепленных в отечественных и зарубежных доктринальных документах [Копылов 2015]. Таким образом, в центре внимания оказываются проблемы, связанные с установлением и прояснением меняющегося предметного поля исследований [Voth 1991: 317] и проведением эффективной политики безопасности в современных условиях. При всей важности таких разработок они имеют лишь косвенное отношение к концептуальному анализу собственно понятия «безопасность», который призван ответить на вопросы о том, что представляет собой этот феномен, каковы его природа и сущность, как он может изучаться и что мы можем о нем знать.

Поиск ответа на них не только представляет сугубо научный интерес, но и

имеет прикладное значение, связанное с разработкой конкретных рекомендаций по оценке и парированию возникающих вызовов и угроз. Более того, рассмотрение этих вопросов логически предшествует попыткам определения предметного поля исследований безопасности. В его отсутствие становится проблематичным не только осмысление их эволюции, вклада и специфики отдельных школ, подходов и направлений, но и интерпретация концепций, стратегий и программ, в рамках которых субъекты международных отношений выдвигают свои подходы к противодействию возникающим вызовам.

Последний тезис иллюстрирует закрепление в официальной риторике ведущих государств, а также межгосударственных и неправительственных организаций, занимающихся оказанием помощи постконфликтным и нестабильным странам, представлений о связке «безопасность-развитие» (см. подробнее [Бартенев 2015; Кулькова 2016; Юдин 2016; Chandler 2007; Giovannetti 2007; Duffield 2010; Tschirgi, Lund, Manchini 2010; Handbook of international security and development 2015]). Этот концепт предполагает, что обеспечение безопасности как развитых, так и развивающихся стран невозможно без создания условий для устойчивого развития. Вместе с тем, несмотря на широкую популярность, он не имеет не только строгого определения, но даже указания на то, на какой основе можно было бы его сформулировать. Представляется, что ключ к решению этой проблемы лежит в концептуальном анализе конституирующих данный концепт понятий, в частности — «безопасности».

Для решения этой задачи целесообразно проанализировать существующие подходы к определению предмета, объекта, сущности и содержания безопасности с точки зрения их базовых онтологических и эпистемологических установок. Наибольший интерес в этой связи представляет анализ дискуссии, развернувшейся в международ-

¹ Здесь и далее под «исследованиями международной безопасности» понимается изучение проблем безопасности в международно-политической науке.

но-политической науке в 1990-х годах по вопросам возможности и необходимости расширения предметного поля исследований безопасности.

Объективной основой для ее начала послужили события, связанные с распадом Советского Союза и последовавшей фундаментальной перестройкой системы международных отношений. В этих условиях проблемы, связанные с осмыслением сути и характера вызовов и угроз безопасности, вошли в число приоритетных. В то же время они вынудили исследователей, которые ранее работали относительно изолированно, вступить друг с другом в диалог и даже в открытую полемику. Наконец, они дали новый импульс постмодернистским подходам, которые в годы «холодной войны» занимали маргинальное положение при изучении международных отношений. Развернувшаяся дискуссия высветила отличительные особенности ключевых школ и направлений в исследованиях безопасности, обнажила существующие между ними противоречия и взаимные претензии. Фокусирование на изучении данной дискуссии представляется тем более обоснованным, что она задала общее направление последующим теоретическим исследованиям понятия «безопасность», причем некоторые из них [Mitchell 2014] доводят идею расширения соответствующего исследовательского поля до абсурда.

1

Первые голоса в пользу расширения предметного поля исследований безопасности в международных отношениях стали звучать еще в годы «холодной войны». В этот период ряд специалистов (среди которых Дж. Най [Nye 1974], Р. Ульман [Ullman 1983] и Б. Бузан [Buzan 1991]) выступили против чрезмерной сфокусированности американских стратегических исследований на защите от угроз военного характера со стороны других государств (прежде всего Советского Союза).

В частности, Дж. Най, в процессе осмысления последствий «нефтяного шока» 1973 г. и последовавшего экономического

кризиса, обратил внимание на новые тенденции во взаимодействии стран на международной арене, усложнение и диверсификацию угроз их интересам и повышение значения фактора устойчивости национальных хозяйств. Он предложил разработать концепцию «коллективной экономической безопасности», которая позволила бы распространить принципы сосуществования государств, утвердившиеся в военно-политической сфере, на вопросы регулирования мирового хозяйства [Nye 1974: 584–586].

Дж. Най предлагал трактовать безопасность как отсутствие *серьезных* угроз минимально приемлемому уровню поддержания базовых ценностей, которые признаются необходимыми для выживания [Nye 1974: 588]. Хотя у отдельных индивидов и обществ представления о них могут различаться (а значит, будет различаться и их понимание безопасности), в первом приближении американский исследователь выделял три универсальных блока ценностей: 1) экономическое благосостояние; 2) политическая и социальная автономия; 3) политический статус [Nye 1974: 585–586]. Предложенное определение позволяло расширить исследование безопасности за счет включения в них угроз экономического характера, которые (в отличие от военных) определялись не с точки зрения источника возникновения, а с точки зрения их референтного объекта [Nye 1974: 588]. Наилучшим средством обеспечения как военной, так и экономической безопасности, по мнению Дж. Найа, выступало укрепление доверия между государствами, чему призваны были служить международные институты [Nye 1974: 591–592].

Аналогичным образом Р. Ульман подчеркивал, что сведение национальной безопасности исключительно к проблемам противодействия военным угрозам, характерное для международных исследований в США, вело к искаженным представлениям о международной обстановке, чреватых негативными последствиями. В частности, оно влекло игнорирование гораздо более опасных вызовов и стимулировало милита-

ризацию международного взаимодействия [Ullman 1983: 129, 133]. Во избежание опасного редуционизма и для разработки комплексного понимания безопасности Р. Ульман предлагал поставить в центр исследований вопрос: «Чем мы должны быть готовы пожертвовать ради большей безопасности?» [Ullman 1983: 130].

Собственного законченного ответа на него Р. Ульман не давал. Вместо этого он предлагал развернутое определение *угрозы* национальной безопасности, под которой он понимал действие или последовательность событий, чреватых: 1) *резким и значительным* падением уровня жизни населения соответствующей страны; 2) *существенным* ограничением свободы принятия политических решений правительством или иными субъектами [Ullman 1983: 133]. Такой подход позволял включать в число угроз национальной безопасности широкий спектр явлений от землетрясений и других природных катастроф до государственных переворотов.

Значительно дальше заокеанских коллег в критике устоявшихся трактовок безопасности пошел британский исследователь Б. Бузан. Его книга «Люди, государства и страх», впервые увидевшая свет в 1983 году, стала одной из наиболее значимых работ с точки зрения развития дискуссии по этой проблематике в период «холодной войны». В ней исследователь первым продемонстрировал, что вопреки нарочитому вниманию, уделявшемуся вопросам национальной безопасности представителями реализма и других американских школ, сущность этого понятия оставалась неотрефлексированной [Buzan 1991: 25–28]. В результате оно едва ли было способно выступать адекватным инструментом изучения международных отношений [Buzan 1991: 25].

Б. Бузан утверждал, что безопасность относится к категории «сущностно оспариваемых понятий», попытки сформулировать сколько-нибудь точное и строгое определение которого заранее обречены на провал [Buzan 1991: 29–32]. В этой связи международно-политическая наука, по его мнению, должна сосредоточиться на вы-

явлении и изучении тех проблем и противоречий, которые влечет за собой его применение при решении конкретных проблем на практике [Buzan 1991: 35, 38].

Отказываясь от попыток дать определение феномену, Б. Бузан все же вынужден был в этой работе охарактеризовать предметное поле, то есть объяснить, «о чем» должна идти речь в исследованиях безопасности в международных отношениях. В их фокусе находится способность государств и обществ сохранять свою идентичность и функциональную целостность. На самом базовом уровне она связана с проблемой выживания, над которой надстраиваются вызовы, связанные с условиями существования и качества жизни [Buzan 1991: 37]. Поскольку изучаемое понятие относится в первую очередь к вопросам существования коллективных общностей, в современных условиях его главным референтным объектом оказывается государство [Buzan 1991: 37, 40].

Данный тезис Б. Бузан подкреплял ссылкой на рассуждения неореалистов об анархической природе международных отношений, которые он разделял [Buzan 1991: 39–40]. В то же время, по мнению британского специалиста, хотя анархическая структура международных отношений и накладывает на поведение государств ограничения, провоцирует соревновательность, заставляя каждое из них рассчитывать только на себя, она не исключает возможностей для сотрудничества между субъектами. Определение безопасности, претендующее на практическую полезность, должно описывать и объяснять как соперничество, так и сотрудничество между государствами на мировой арене [Buzan 1991: 39–40].

Еще одна важнейшая идея Б. Бузана, которая позволяет отнести его к лагерю «расширителей» понятия «безопасности» [Smith 1999: 83], заключалась в необходимости включения в определение безопасности не только военных, но и политических, экономических, социетальных (культурно-идеологических) и экологических факторов [Buzan 1991: 38]. Именно через

решительное расширение предметного поля исследований безопасности, обретение ими междисциплинарного характера он видел путь к их превращению в самостоятельную субдисциплину [Zuzan 1991: 41].

Призывы к расширению проблематики безопасности, содержащиеся в работах Дж. Ная, Р. Ульмана и Б. Бузана, не смогли поколебать утвердившиеся в международно-политических исследованиях подходы к пониманию сущности, природы и способов обеспечения национальной безопасности. Главный антагонизм международных отношений той поры – противостояние двух сверхдержав, – то ослабевая, то обостряясь, продолжал задавать направленность научных интересов специалистов по безопасности. Его сохранение диктовало приоритетизацию военно-политических и военно-технических угроз государствам. Расцвет интеллектуального движения за расширение понимания безопасности наступил только после распада биполярной системы.

О представлениях сторонников расширения проблематики безопасности первой половины 1990-х годов свидетельствуют взгляды британского специалиста К. Бута. По его мнению, с завершением «холодной войны» большинство традиционных понятий и концепций, составлявших теоретико-методологический фундамент исследований безопасности, устарели, перестав отражать международно-политические реалии [Booth 1991: 313]. Потеряли ценность и прежние представления о сущности самого понятия, выступающего предметом изучения. В этих условиях первоочередной задачей, вставшей перед исследователями вопросов безопасности в международных отношениях, стала разработка его нового содержания [Booth 1991: 317].

В качестве основы для альтернативной трактовки безопасности сам К. Бут предлагал рассматривать концепцию «эмансипации». Поскольку безопасность – это отсутствие угроз, которые вне зависимости от источника происхождения влекут за собой ограничения, препятствующие свободному развитию индивида, то эмансипация

(как борьба с этими ограничениями) выступает формой ее обеспечения [Booth 1991: 319, 323]. Подобный подход требовал решительного пересмотра роли государств как главного референтного объекта исследований. К. Бут утверждал, что они слишком ненадежны, нелогичны и различны по своему характеру для построения комплексной теории безопасности [Booth 1991: 320]. Государство – не более чем средство, а целью безопасности, ее подлинным референтным объектом, должен выступать индивид [Booth 1991: 319].

С призывом к пересмотру представлений о сущности и характере безопасности в международных отношениях выступила и немецкая исследовательница Х. Хафтендорн [Haftendorn 1991]. По ее мнению, в международных исследованиях сложились три самостоятельные аналитические концепции: «национальная безопасность», «международная безопасность» и «глобальная безопасность». Каждая из них охватывает некоторый комплекс ценностей, угроз и средств их преодоления и опирается на специфическую философскую традицию. Изучение «национальной безопасности» брало начало в трудах Т. Гоббса, концепция «международной безопасности» восходила к работам Г. Гроция, а представления о «глобальной безопасности» опирались на идеи И. Канта [Haftendorn 1991: 5–6]. Анализируя историю развития и отличительные особенности этих концепций, Х. Хафтендорн пришла к выводу, что ни одна из них не отвечает на современные вызовы [Haftendorn 1991: 10–12]. Это ставило перед специалистами по проблемам безопасности задачу разработки принципиально нового исследовательского подхода, который должен был удовлетворять ряду критериев. *Во-первых*, он призван был учитывать те аспекты, которыми пренебрегали старые исследовательские программы (экономика, экология, внутривнутриполитическое измерение). *Во-вторых*, новый подход должен был преодолеть западноцентричность предшествующих теоретических построений, учитывать потребности незападных государств и обществ [Haftendorn 1991: 11–12].

Рассмотренные работы, представляющие первый этап дискуссии о расширении проблематики безопасности, объединял ряд общих черт. Всем им присущ критический пафос в отношении традиционных подходов к определению безопасности исключительно в контексте внешних военных угроз. Авторы подчеркивали имманентную противоречивость этого понятия, несводимость его к простым определениям, которые прежние исследователи были склонны ретушировать. В основе всех рассмотренных работ лежало стремление к расширению предметного поля исследований за счет включения в него экономических, экологических, идеологических и внутривнутриполитических аспектов безопасности. Наконец, всех их объединяла более или менее явно сформулированная претензия на новизну, на нахождение принципиально нового понимания сущности безопасности в международных отношениях.

2

Претензии на новизну тех исследователей, которые после завершения «холодной войны» отстаивали расширение понимания безопасности, подверг критике американский специалист Д. Болдуин. По его мнению, к середине 1990-х годов рассуждения о переосмыслении изучаемого понятия стали общим местом для международно-политической науки. В то же время за призывами к перенесению акцента с военно-политических на экологические, экономические, гуманитарные и иные вызовы не скрывалось ничего принципиально нового с точки зрения концептуального анализа [Baldwin 1997: 5, 22–23]. По его мнению, ревизионистские работы 1980–1990-х годов мало что добавляли к идеям, высказанным классиком международно-политической науки А. Уолферсом еще в 1952 г. [Baldwin 1997: 6, 11–17].

Действительно, в его статье «Национальная безопасность» как неоднозначный символ содержится ряд положений, которые впоследствии стали ассоциироваться с дискурсом расширения проблема-

тики безопасности. При этом А. Уолферс не ограничивался констатацией, что изучаемая категория – противоречивый, трудноуловимый феномен, за которым могут скрываться самые разнообразные политические программы и экономические мотивы; предупреждением против упрощенных, ходульных трактовок этого понятия [Wolfers 1952: 481–484]. Он сформулировал по-настоящему комплексную исследовательскую программу изучения безопасности.

В самом общем виде американский исследователь предлагал понимать под безопасностью некоторый уровень защищенности ранее приобретенных ценностей [Wolfers 1952: 484]. При этом безопасность сама выступает ценностью, к которой государство может стремиться. С одной стороны, она имеет много общего с такими целями государственной политики, как богатство и власть [Wolfers 1952: 484–485], с другой – обладает ярко выраженной спецификой.

А. Уолферс обращал внимание на то, что существует, как минимум, два понимания безопасности. В *объективном* смысле она обозначает *отсутствие угроз* приобретенным ценностям. В *субъективном* же смысле безопасность – это отсутствие *страха*, что им что-то угрожает [Wolfers 1952: 485]. Само выделение этих двух измерений подразумевало, что на практике сохраняется разрыв между степенью защищенности субъекта и его восприятием своего положения. Из него следовало, что не существует единого понимания ценности безопасности. Отдельные нации, в силу исторически сложившихся особенностей, могут придавать ей различное значение. Кроме того, перед исследователями встает задача корректного оценивания значения безопасности для субъекта в сравнении с другими ценностями.

Последнее обстоятельство тем более важно, что безопасность связана не с наличием некоторых благ, а с отсутствием угрозы и страха. По выражению А. Уолферса, она выступает «*негативной ценностью*» [Wolfers 1952: 488]. В международной политике, в которой абсолютная без-

опасность остается недостижимой, даже обретение мировой гегемонии просто превело бы внешние вызовы ценностям державы в разряд внутренних [Wolfers 1952: 494]. Приращение относительного уровня безопасности всегда сопряжено со значительными издержками и непроизводительными расходами, так как государства вынуждены тратить на вооружения ресурсы, которые могли бы использовать для развития экономики или реализации социальных программ. В этих условиях политика безопасности оказывается сопряженной с непростым моральным выбором [Wolfers 1952: 498–499]. Таким образом, Р. Ульман, выступавший за расширение понимания безопасности спустя тридцать лет, лишь заново открыл проблемы, ранее поставленные А. Уолферсом [Ullman 1983: 130].

Последний также сформулировал рекомендации по оптимизации государственной политики. В основе методологии А. Уолферса лежало понимание, что универсального рецепта обеспечения национальной безопасности не существует [Wolfers 1952: 494–495]. Каждый раз при принятии решений в сфере безопасности государственные деятели должны разрешить ряд моральных дилемм: какие ценности нуждаются в защите, какой уровень защиты можно считать достаточным, какими средствами и какой ценой его можно достичь [Wolfers 1952: 499–500]. Только скрупулезная оценка конкретного случая, предполагающая уточнение контекстно-специфического содержания рассматриваемого феномена, позволяет превратить его из «неоднозначного символа» в инструмент прикладного анализа международных отношений.

Этот контекстно-ориентированный подход, как отмечал Д. Болдуин, позволяет описывать и интерпретировать все наработки в исследованиях безопасности в международных отношениях со времен Второй мировой войны. Экономическая безопасность, экологическая безопасность, человеческая безопасность представляют собой лишь специфические на-

боры ответов на вопросы относительно того, какие ценности нуждаются в защите, от каких угроз, какими средствами. Таким образом, они выступают специфическими *формами* безопасности, а не качественно новыми ее *трактовками* [Baldwin 1997: 22–23]. С этой точки зрения работы сторонников расширения понимания безопасности 1980–1990-х годов знаменовали возвращение к истокам.

Такая оценка не должна принижать их заслуг – критика устоявшихся подходов не была ни простой, ни безболезненной. «Холодная война», совпавшая со становлением научных исследований в области международных отношений, наложила существенный отпечаток на формирующуюся дисциплину. С одной стороны, именно биполярное противостояние вкупе с еще свежими воспоминаниями об ужасах Второй мировой войны обеспечили проблемам безопасности центральное место ее развитии. С другой – они оказали деформирующее воздействие на дисциплину, привели к ее излишней политизации и милитаризации. Идеи А. Уолферса на десятилетия были преданы забвению, и с точки зрения концептуального смысла понятия «безопасность» период «холодной войны» обернулся застоем. Отказываться от его редукционистской трактовки представители парадигмальной науки не спешили и после завершения биполярного противостояния, наглядным подтверждением чему служил их ответ на критику со стороны «расширителей».

З

Один из ведущих представителей *неореализма*, Ст. Уолт, связывал возрождение исследований безопасности в условиях окончания «холодной войны» не с возвращением к контекстно-ориентированным подходам в духе А. Уолферса, а с преодолением «вьетнамского синдрома», кризисом «разрядки», увеличением финансирования и, наконец, утверждением строгих стандартов научного знания, характерных для естественных наук [Walt 1991: 216–222]. При этом он не испытывал сомнений при

определении центральной проблемы для анализа — им оставался феномен войны. Исследования безопасности, соответственно, должны были ставить вопросы, связанные с угрозой применения военной силы, ее непосредственным использованием и контролем над ней [Walt 1991: 212]. Признавая наличие оснований для призывов к расширению предметного поля исследований безопасности за счет таких проблем, как эпидемии, бедность, наркоторговля, экологические катастрофы, Ст. Уолт заключал, что следовать им тем не менее не стоило. Он утверждал, что чрезмерное расширение спектра рассматриваемых проблем чревато разрушением методологической цельности и единства исследовательской программы, что затруднит и разработку решений в отношении практических вопросов [Walt 1991: 213].

Схожие оценки высказывал и другой яркий представитель неореализма, Дж. Миршаймер [Mearsheimer 1994/1995]. Он описывал международные отношения как постоянное соревнование за безопасность между государствами, которые существуют в тени угрозы войны. Их главной целью является выживание (как указывал еще основоположник неореализма К. Уолтц [Waltz 1979: 126]), а наилучшим средством его достижения — всемерное укрепление военной мощи [Mearsheimer 1994/1995: 11–12]. Предпочтительный исход соревнования в этих условиях — завоевание государством положения гегемона, поскольку в этом случае его выживание было бы гарантировано.

Теория Дж. Миршаймера — иллюстрация регресса в осмыслении проблематики безопасности в международных отношениях, который произошел в годы «холодной войны». Если А. Уолферс, указывая на опасность чрезмерного увлечения военным строительством, писал о ней как об относительной ценности, к которой государства могут стремиться в разной степени

и достижение которой всегда необходимо соотносить с издержками [Wolfers 1952: 494–497], то Дж. Миршаймер безапелляционно приравнивал безопасность государства к его военному потенциалу, укрепление которого возможно только за счет других, и трактовал этот феномен как абсолютную ценность [Mearsheimer 1994/1995: 9–12].

Ответ представителей неореализма на критику сторонников пересмотра понятия безопасности так же, как и работы самих «расширителей», не поднимался до уровня его концептуального анализа. Речь шла скорее о том, в каком направлении должно развиваться изучение этого феномена в постбиполярный период: должно ли оно сохранить методологическую строгость и прикладную ориентированность, присущую стратегическим исследованиям, или же, под влиянием изменившихся условий, вобрать в себя те вопросы, которые в период «холодной войны» оставались маргинальными. Традиционалисты и расширители спорили не о содержании *категории* «безопасность», а о том, какая *программа*, или *политика*, должна находиться в центре исследований.

В этой связи Д. Болдуин пришел к выводу, что безопасность едва ли можно отнести к числу «сущностно оспариваемых понятий». Необходимым условием этого была бы полемика о ее *сущности*, в которой обе стороны признавали бы за оппонентами право на альтернативный взгляд и пытались бы его опровергнуть [Baldwin 1997: 10–12]. Подобных дебатов в дискуссии о расширении понимания безопасности на ее первом уровне, в самом деле, не было.

В то же время Д. Болдуин проигнорировал в своем анализе *второй* уровень концептуальной дискуссии в исследованиях безопасности, связанный с проникновением в них постмодернистских², дискурсивных подходов и практик. Если на описанные выше предложения по расширению

² В рамках данной статьи термины «постмодернизм» и «постструктурализм» вслед за устоявшейся в западных исследованиях безопасности практикой рассматриваются как синонимичные и взаимозаменяемые.

проблематики за счет включения в анализ невоенных вызовов и угроз неореалисты отреагировали сдержанно, то в отношении эпистемологической альтернативы они в выражениях не стеснялись. В частности, Ст. Уолт резко писал, что исследования проблем войны и мира слишком важны, чтобы отдавать их на откуп занудным, занятым самолюбованием и оторванным от реальности постмодернистским построениям [Walt 1991: 223]. В том же духе о критической теории высказывался и Дж. Миршаймер. По его мнению, представители последней – неисправимые идеалисты, искренне верящие в то, что достаточно трансформировать представления государств о самих себе и об окружающем мире, чтобы изменить их поведение и искоренить международные конфликты [Meaghsheimer 1994/95: 39–40].

Резкая отповедь со стороны неореалистов спровоцировала жесткую реакцию представителей постмодернистских подходов, которые постарались, с одной стороны, парировать выдвинутые обвинения, а с другой – четче выстроить собственную исследовательскую программу.

4

Особенности *постмодернистского* взгляда на проблемы международной безопасности охарактеризованы в работах Л. Хансен и К. Краузе³. В частности, Л. Хансен указывала, что и реализм, и либерализм представляются вариациями модернистского проекта с характерными для него рационализмом, позитивизмом и эмпирицизмом – то есть верой в объективное знание, которое можно обрести, используя строгие научные методы и стандарты естественных наук [Hansen 1997: 371–373]. Эта общность онтологических и эпистемологических установок вела к схожему пониманию феномена «безопасности» представителями указанных теорий [Hansen 1997: 373–374]. Референтные объекты безопас-

ности (будь то национальное государство, международное сообщество или класс) рассматривались ими как обладающие самостоятельным субстанциальным статусом, предзаданные явления, которые сталкиваются с объективными (то есть существующими отдельно от референтного объекта безопасности и внешними по отношению к нему) угрозами. Последние, в свою очередь, доступны для рационального познания и изучения, что, собственно, и представлялось как цель научных исследований [Krause 1998: 312].

В этой связи для реализма стало характерно ясное противопоставление внутри- и внешнеполитической сфер деятельности национального государства, в котором первая выступает областью упорядоченного взаимодействия, а вторая предстает анархической средой, в которой действует принцип «каждый сам за себя». Задача политиков и экспертов виделась в своевременном и адекватном выявлении угроз и поиске средств их нейтрализации [Hansen 1997: 373–374].

Отталкиваясь от представлений об имманентно дискурсивной природе социальных явлений и отношений, представители постмодернистских подходов предложили качественно иной взгляд на суть таких фундаментальных для международно-политической науки понятий, как «сила», «власть», «безопасность», «государство», «угроза» (см. подробнее [Walker 1990; Walker 1993; Ashley 1987; Ashley 1988; Digeser 1992; Der Derian 1993; Huysmans 1998; Shapiro, Alker 1996; Dillon 1995]). С точки зрения постструктуралистов, невозможно провести разграничительную линию между субъектом и объектом познания, они носят взаимообусловленный характер, появляются и обретают смысл только в рамках соответствующего дискурса.

В их интерпретации понятие «безопасность» характеризует не отношение субъекта к объективно угрожающей ему реаль-

³ Из современных работ, посвященных анализу особенностей критических исследований безопасности, можно отметить статью К. Браунинга и М. Макдональда [Browning, McDonald 2011] и монографию К. Фирк [Fierke 2015].

ности, а особую дискурсивную практику, в рамках которой происходит как конструирование угроз, так и надделение смыслом самого референтного объекта безопасности [Hansen 1997: 376, 383; Krause 1998: 306–312]. Постмодернистская перспектива позволяла по-новому взглянуть на один из ключевых тезисов прежних исследований, согласно которому государства нуждаются в обеспечении собственной защищенности. В соответствии с ней субъекты не просто стремятся к нивелированию вызовов своему существованию, они одновременно нуждаются в них, поскольку только в столкновении с враждебным или просто чуждым «Иным» они осознают себя и обретают смысл существования [Hansen 1997: 375; Huysmans 1998].

Специфика постмодернистских подходов определила цели и установки критических работ в области безопасности. В частности, отказ от жесткого разделения субъекта и объекта исследований повлек за собой стремление к преодолению характерного для традиционных подходов противопоставления внутри- и внешнеполитической сфер. Восприятие всех субъектов международных отношений как социальных конструкторов побуждало к изучению процессов их исторического формирования, развития и переосмысления. Наконец, отрицание существования предзаданных, внедискурсивных оснований, относительно которых те или иные явления и процессы международных отношений могут быть оценены как объективные и реальные, предполагало признание имманентно субъективной природы знания о них [Hansen 1997: 383; Krause 1998: 316–320]. Как следствие, исследовательская программа постмодернистских исследований безопасности предполагала ответ на следующие вопросы: «Каким образом отдельные субъекты и объекты безопасности были сконструированы в рамках неких дискурсивных практик?», «Каким образом процессы и явления начинают восприниматься игроком как угрозы его безопасности?», «Какие последствия влечет за собой обозначение проблемы как вызова безопасности?» [Krause 1998: 317].

5

Одним из наиболее известных приложений постструктуралистской методологии к исследованию безопасности стала концепция «секьюритизации», предложенная в работах представителей *Копенгагенской школы* (Б. Бузан, О. Уэвер, Я. де Вильде). На их взглядах представляется целесообразным остановиться отдельно, поскольку сформулированная ими теория часто используется в работах, посвященных современным тенденциям развития международных отношений. Кроме того, одним из основателей этой школы стал Б. Бузан, который не внял предостережениям Ст. Уолта [Walt 1991: 223] и поддался искушениям постмодернизма.

В рамках настоящей статьи нецелесообразно рассматривать все элементы концепции «секьюритизации»: они были не раз разобраны как в работах представителей *Копенгагенской школы* [Wæver 1995; Buzan 1997; Buzan, Wæver, de Wilde 1998], так и в ряде исследований других авторов [Морозов 2011; Guzzini 2011; Securitization theory 2011]. Однако некоторые ее аспекты все же следует осветить.

На первый взгляд Б. Бузан и О. Уэвер в полной мере восприняли исходные онтологические и эпистемологические допущения постмодернистских исследований безопасности. В частности, сам феномен трактовался ими как самодостаточная дискурсивная интересубъективная практика – речевой акт, в ходе которого некая проблема представляется как экзистенциальная угроза для референтного объекта [Buzan 1997: 13–14; Buzan, Wæver, de Wilde 1998: 21–24]. Подобное признание предполагает отказ исследователей от попыток установить объективную обоснованность секьюритизации вопроса. Важно лишь то, что она осуществляется и только ее и можно изучать – проблемы безопасности обретают субстанциальность только в рамках соответствующего дискурса [Buzan, Wæver, de Wilde 1998: 26, 31]. В соответствии с установками постмодернистских исследований представители *Копенгагенской школы* предостерегали также от некритич-

ного восприятия безопасности как безусловного блага. Они рассматривали ее не как нейтральную научную категорию, а как политическую программу, легитимирующую чрезвычайные меры, нарушение гражданских прав и свобод, подавление оппозиции [Buzan, Wæver, de Wilde 1998; Wæver 1995].

Копенгагенская школа сформулировала ряд методологических рекомендаций, позволяющих операционализировать абстрактные положения постмодернистского подхода в виде строгой исследовательской программы, ориентированной на изучение процессов секьюритизации. В качестве маркера последних выделялись алармистская риторика, содержащая призывы к экстренным мерам, а в число обязательных элементов включались секьюритизирующий субъект (тот, кто говорит о безопасности) и аудитория, которая принимает или не принимает его аргументы [Buzan, Wæver, de Wilde 1998: 26, 31]. Соответственно, исследования безопасности, понимаемой как особая дискурсивная практика, предполагали определение референтных объектов безопасности, анализ их риторики и реакции на нее со стороны аудитории, объяснение причин успеха или провала попыток представить некоторый вопрос как экзистенциальную угрозу [Buzan, Wæver, de Wilde 1998: 25–32].

Перечисленные положения теории «секьюритизации» позволяют рассматривать ее как типический случай постмодернистского подхода к исследованиям безопасности [Hansen 1997: 376–377; Krause 1998: 313–314]. Вместе с тем рассмотрение сложившейся практики ее применения в современных работах дает более противоречивую картину. Зачастую в них термином «секьюритизация» ошибочно обозначают простое расширение проблематики исследований безопасности. Особенно это характерно для работ, посвященных концепции связки «безопасность-развитие» [Giovannetti 2007; Кулькова 2016].

Причиной тому послужили работы самих основателей Копенгагенской школы. Б. Бузан, начинавший как представитель

реалистского направления, так до конца и не воспринял постмодернистскую методологию. Разделяя ее представление о безопасности как самодостаточной дискурсивной практике, исследователь открыто противопоставлял Копенгагенскую школу критическим подходам, приписывая им сосредоточенность на индивидах как подлинных референтных объектах безопасности и стремление полностью отбросить традиционные элементы исследований этого феномена, заменив их новыми, более актуальными вопросами [Buzan 1997: 19–20; Buzan, Wæver, de Wilde 1998: 34–35]. В результате Б. Бузан относил себя вовсе не к постструктуралистам, а к «традиционным расширителям» [Buzan 1997: 5–6].

Внимательный анализ концепции «секьюритизации» в интерпретации ее авторов, действительно, заставляет усомниться в ее эпистемологических основаниях. Первым на непоследовательность их построений обратил внимание Б. Максуини, которому принадлежит авторство самого выражения «Копенгагенская школа» [McSweeney 1996: 90–93]. Он отмечал, что в работах Б. Бузана и О. Уэвера присутствовало неосознанное смешение элементов традиционных и постмодернистских подходов. Рассматривая безопасность как дискурсивную практику, они наделяли референтные объекты безопасности самостоятельным субстанциальным статусом, то есть рассматривали их как объективно существующие [McSweeney 1996: 90–93]. Тем самым, в духе объективистских подходов, они выделяли объект и субъект познания, которые существуют вне зависимости друг от друга и могут быть четко разделены. Идентичность объекта предстает в их работах как предзаданная и статичная.

Последующая научная полемика между представителями Копенгагенской школы и их критиком [Buzan, Wæver 1997; McSweeney 1998; Smith 1999] закончилась ничем: основатели «школы» не признали того факта, что в их методологии содержатся взаимоисключающие положения или что их теория существенным образом противоречит

идеям, высказанным Б. Бузаном в его предыдущих работах.

Между тем замечания Б. Максуйни представляются все же справедливыми. Он вскрыл смешение двух взаимоисключающих философских традиций в построениях Копенгагенской школы: объективистской и рационалистической, с одной стороны, постмодернистской и дискурсивной — с другой, которое, в свою очередь, ведет к ошибочному использованию концепции «секьюритизации» для описания простого расширения проблематики исследований безопасности за счет включения в нее разного рода невоенных вызовов и угроз. Опасность подобного некорректного употребления термина «секьюритизация» заключается в том, что оно, как и любая понятийная путаница, не просто затрудняет, но напрямую препятствует адекватному познанию конкретных международных проблем.

Не до конца отрефлектированное его использование в научных исследованиях, а также официальной риторике стран-доноров и международных организаций, занимающихся оказанием помощи глобальному Югу, ведет к искажению изначального понимания секьюритизации как особой, *дискурсивной*, практики. Более того, последующее корректное прочтение секьюритизации именно как дискурсивной практики с соответствующими выводами о сущности и характере объекта и субъекта безопасности, их взаимосвязи означает привнесение в источник (например, официальную программу страны-донора) совершенно чуждых ему коннотаций — с большой долей вероятности практики, непосредственно занимающиеся реализацией таких программ, не ставят под сомнение реальность вызовов, с которыми они сталкиваются.

Б

Обзор дискуссии относительно расширения понимания безопасности, развернувшейся в международно-политической науке в 1990-х годах, был бы неполон без отражения вклада в нее представителей

конструктивизма. Они занимали специфическую нишу в развернувшейся полемике. Представители традиционных подходов относили конструктивистов к постмодернистам, отвергая их построения как идеалистические и оторванные от реальности [Mearshiemer 1994/1995: 38–39]. В то же время сторонники постмодернистских подходов оказались не столь категоричны в выводах и, признавая, что конструктивистам присущ критический пафос в отношении традиционных подходов, акцентировали самостоятельность их исследовательской программы [Hansen, 1997; Krause 1998]. Схожей позиции придерживались и сами конструктивисты [Wendt 1995: 71].

Такое различие в оценках определялось эклектичностью их базовых онтологических и эпистемологических установок. В этом отношении чрезвычайно полезной представляется работа Т. Хопфа, предложившего различать «конвенциональный» и «критический конструктивизм». Последний в полной мере разделяет положения постмодернистских подходов [Hopf 1998: 181–185] так что, он в принципе не может быть от них отделен. Гораздо более неоднозначной оказалась исследовательская программа конвенционального конструктивизма.

Выдвигая в центр внимания исследований международных отношений, и в том числе проблематики безопасности, такие понятия как «ценность», «норма» и «идентичность», трактуемые как интерсубъективные, социальные по своей природе конструкты, конвенциональный конструктивизм сближается с постмодернизмом. С точки зрения конструктивистов, нормы, ценности и идентичности формируются и воспроизводятся в ходе социальных интеракций, конструируют субъектов и среду, в которой те взаимодействуют, наполняют смыслом сами эти действия и предопределяют их характер и границы [Wendt 1992; The culture of national security 1996; Hopf 1998; Farrell 2002]. Понимание норм, ценностей и интересов как социальных конструктов подразумевает, что они открыты

к изменениям, являются не статичными предзаданными феноменами, а динамичными практиками⁴.

В то же время конвенциональные конструктивисты стремились дистанцироваться от постмодернистов, доказать, что стоят на позициях науки, ориентирующейся на стандарты естественно-научного знания [Wendt 1995; Checkel 1998; Hopf 1998: 182; Krause 1998: 320]. Действительно, точек соприкосновения между ними и неореалистами или неолибералами гораздо больше, чем между ними и постмодернистами. В первую очередь, они разделяли базовые онтологические и эпистемологические представления традиционных подходов. Например, в понимании конвенциональных конструктивистов, нормы, идентичности и интересы со временем настолько укореняются в практике, что их можно рассматривать как константы, изменение которых теоретически возможно, но требует такого количества времени, что не наблюдается на практике. В этой связи Т. Фаррел указывал: «[Конвенциональные] конструктивисты рассматривают нормы как *объективно* существующие» [Farrell 2002: 60]. Как следствие, они исходят из идеи, что можно выявить и проанализировать некие «объективные», предзаданные ценности и идентичности, присущие некоторым субъектам и предопределяющие их реакции на вызовы безопасности. Из этого методологического допущения следует крамольная для постмодернистов идея о возможности разделения субъекта и объекта познания как существующих независимо друг от друга, а не конструируемых исключительно в ходе дискурсивного взаимодействия.

В целом можно заключить, что с точки зрения рассматриваемой в данной статье дискуссии построения конструктивистов следует отнести к первому уровню полемики: не покушаясь на фундаментальные основы традиционных подходов к изучению

проблем безопасности, они предлагали расширить исследования безопасности за счет более полного учета нематериальных, субъективных факторов.

* * *

Анализ дискуссии, развернувшейся в международно-политической науке вокруг вопроса о расширении исследовательского поля безопасности, позволяет выделить два принципиально отличных друг от друга способа концептуализации изучаемого феномена: классический (традиционный, рационалистический) и постмодернистский. Различия между ними для наглядности можно представить в виде таблицы (Табл. 1).

В рамках традиционного подхода понятие «безопасность» служит для описания специфических отношений, складывающихся между объектом и субъектом, обладающими самостоятельным субстанциальным статусом, то есть существующими независимо друг от друга. Задачами исследователя в этом случае становятся анализ содержания этих отношений в конкретном случае, их объяснение или формулирование прогноза относительно их развития в будущем. В наиболее полном виде соответствующая методология исследований безопасности была изложена в работах А. Уолферса и уточнена Д. Болдуином.

В рамках второго, постмодернистского подхода понятие «безопасность» скрывает за собой специфическую дискурсивную практику, в рамках которой происходит конструирование и наполнение смыслом как объекта, так и субъекта безопасности. Перед исследователями встает задача изучения процессов их формирования, надеждения некоторых проблем значением угроз безопасности, а также последствий секьюритизирующих практик. Одной из наиболее последовательных попыток представления методологии постмодернистских исследований безопасности стала теория се-

⁴Прекрасным примером практического применения конструктивистской методологии к изучению проблем безопасности в международных отношениях может служить статья Дж. Митцен [Mitzen, 2006].

Таблица 1
Способы и критерии концептуализации понятия «безопасность»

Способ концептуализации безопасности	Субстанциальный статус объекта и субъекта безопасности	Изменения в характере взаимодействия субъекта и объекта	Цель исследований
Классический (рационалистический)	Обладают самостоятельным субстанциальным статусом	Невозможны. Характер взаимодействий диктуется неизменными закономерностями структуры международных отношений	Объяснить характер актуальных и возможных угроз безопасности референтного объекта; сформулировать практические рекомендации по их парированию
Постмодернистский	Обретают смысл и содержание в рамках интерсубъективного дискурсивного взаимодействия	Изменчивость и неопределенность – базовые характеристики отношений в мировой политике	Понять сущность дискурсивных практик безопасности в том или ином конкретном случае; проанализировать их последствия

кьюритизации (при том что сами ее авторы в итоге так и остались на позициях традиционных подходов).

На этой основе в дискуссии по поводу расширения исследовательского поля безопасности можно условно выделить две группы исследований. В первую входят представители реалистского, либерального и марксистского направлений теории международных отношений, а также конвенционального конструктивизма. Несмотря на пафос новизны, ниспровержения авторитетов, присущий их работам, написанным после завершения «холодной войны», который подкреплялся ссылками на необходимость включения в исследовательское поле безопасности невоенных вызовов (экономических, экологических, демографических, гуманитарных, социетальных) и дополнительных референтных объектов (индивид, нация, человечество), с точки зрения концептуального анализа понятия «безопасности» они не предлагали ничего принципиально нового. Они лишь акцентировали отдельные его аспекты, элементы или программы; дополняли исследования предыдущей эпохи, нежели представляли им полноценную альтернативу.

Напротив, постмодернистские исследования, к которым присоединялись представители критического конструктивизма,

предлагали качественно новый взгляд на саму природу безопасности в международных отношениях, способы и возможности ее достижения и изучения.

Такое структурирование полемики по вопросу расширения исследований безопасности не является единственно возможным. Тем не менее, отражая различия в базовых эпистемологических основаниях основных подходов к изучению проблем безопасности в международных отношениях, оно обладает рядом достоинств. *Во-первых*, оно строится не на субъективных суждениях относительно преимуществ и недостатков тех или иных подходов, а на прозрачных и верифицируемых основаниях, открытых для проверки и уточнения. *Во-вторых*, оно закладывает основу для разграничения как общих парадигм в изучении международных отношений (рационалистической и постмодернистской), так и отдельных входящих в них теоретических традиций (например, неореализм, либерализм) и еще более частных исследовательских программ (стратегические исследования, феминистские/гендерные исследования). В этом отношении предложенный вариант структурирования исследований безопасности выгодно отличается от более подробного картирования, разработанного Б. Бузаном и Л. Хансен [Buzan, Hansen

2009: 35–38], в котором присутствует неоправданное смещение различных уровней анализа, а неореализм (теория), «человеческая безопасность» (концепция) и феминистские исследования безопасности (специфическая исследовательская программа) рассматриваются как явления одного порядка.

Думается, что представленное принципиальное различие альтернативных пониманий безопасности открывает возможности для системного изучения как современных тенденций в ее исследовании, так и новаций в практической деятельности в данной сфере ведущих игроков на мировой арене.

Список литературы

- Бартенев В.И.* Связка «безопасность–развитие» в современных западных исследованиях: от деконструкции к концептуализации // *Международные процессы*. 2015. Т. 13. № 3. С. 78–97.
- Коньшев В.Н.* Постпозитивизм о личности как новом референте безопасности: критический анализ // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2014. Т. 10. № 1. С. 178–193.
- Коньшев В.Н., Сергунин А.А.* Теория международных отношений: канун новых “великих дебатов”? // *Полис. Политические исследования*. 2013. № 2. С. 66–78.
- Копылов А.В.* О генезисе и сущности понятия «национальная безопасность» // *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир*. 2015. № 2(4). С. 31–43.
- Кулькова О.С.* Особенности политического дискурса по проблемам взаимозависимости безопасности и развития в Европейском союзе // *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. 2016. Т. 8. № 1. С. 72–106.
- Морозов В.Е.* Безопасность как форма политического: о секьюритизации и политизации // *Полис. Политические исследования*. 2011. № 3. С. 24–35.
- Рыхтик М.И.* Эволюция понятия “безопасность”: от “жестких угроз” до “мягких вызовов”. Современные проблемы мировой политики: Безопасность, конфликты и их анализ. Под ред. М.М. Лебедевой. М.: Аспект Пресс, 2002. 197 с.
- Сергунин А.А.* Международная безопасность: новые подходы и концепты // *Полис. Политические исследования*. 2005. № 6. С. 126–137.
- Юдин Н.В.* Связка «безопасность – развитие»: проблемы теоретического осмысления // *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. 2016. Т. 8. № 1. С. 39–71.
- Ashley R.K.* Untying the sovereign state: A double reading of the anarchy problematique // *Millennium – Journal of International Studies*. 1988. Vol. 17. No. 2. P. 227–262.
- Ashley R.K.* The geopolitics of geopolitical space: Toward a critical social theory of international politics // *Alternatives: Social Transformation and Humane Governance*. 1987. Vol. 12. No. 4. P. 403–434.
- Baldwin D.* The concept of security // *Review of International Studies*. 1997. Vol. 23. P. 5–26.
- Booth K.* Security and emancipation // *Review of International Studies*. 1991. Vol. 17. Iss. 04. P. 313–326
- Browning C.S., McDonald M.* The future of critical security studies: Ethics and the politics of security // *European Journal of International relations*. 2011. Vol. 19. No. 2. P. 235–255.
- Buzan B.* *People, states and fear: An agenda for international security studies in the post–Cold War era*. Boulder: Lynne Rienner, 1991. 311 p.
- Buzan B.* *Rethinking security after the Cold War* // *Cooperation and Conflict*. 1997. Vol. 32. No. 1. P. 5–28.
- Buzan B., Hansen L.* *The evolution of international security studies*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 384 p.
- Buzan B., Wæver O.* Slippery? Contradictory? Sociologically untenable? The Copenhagen School replies // *Review of International Studies*. 1997. Vol. 23. No. 2. P. 241–250.
- Buzan B., Wæver O., Wilde J.D.* *Security. A new framework for analysis*. London: Lynne Rienner, 1998. 239 p.
- Chandler D.* The security–development nexus and the rise of ‘anti–foreign policy’ // *Journal of International Relations and development*. 2007. Vol. 10. P. 362–386.
- Checkel J.T.* The constructivist turn in international relations theory // *World Politics*. 1998. Vol. 50. No. 2. P. 324–348.
- Der Derian J.* The value of security: Hobbes, Marx, Nietzsche, and Baudrillard / *The political subject of violence* // Ed. by Campbell D., Dillon M. Manchester: Manchester University Press, 1993. 185 p. P. 94–113.
- Digeser P.* The fourth face of power // *The Journal of Politics*. 1992. Vol. 54. No. 4. P. 977–1007.
- Dillon M.* Security, philosophy and politics / *Global modernities* // Ed. by M. Featherstone, S. Lash, R. Robertson. London: Sage Publications, 1995. 292 p.

- Duffield M.* The liberal way of development and the development–security impasse: Exploring the global life – chance divide // *Security Dialogue*. 2010. Vol. 41. No. 1. P. 53–76.
- Farrell T.* Constructivist security studies: Portrait of a research program // *International Studies Review*. 2002. Vol. 4. Iss. 1. P. 49–72.
- Fierke K.M.* Critical approaches to international security. Cambridge: Polity press, 2015. 240 p.
- Giovannetti G.* The security–development nexus: How to bridge the gap between foreign/security policies and development policies. Introductory notes. New York, 2007.
- Guzzini S.* Securitization as a causal mechanism // *Security Dialogue*. 2011. Vol. 42. No. 4–5. P. 329–341.
- Haftendorn H.* The security puzzle: Theory–building and discipline–building in international security // *International Studies Quarterly*. 1991. Vol. 35. No. 1. P. 3–17.
- Handbook of international security and development* // Ed. by Jackson P. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2015. 475 p.
- Hansen L.* A case for seduction? Evaluating the poststructuralist conceptualization of security // *Cooperation and Conflict*. 1997. Vol. 32. No. 4. P. 369–397.
- Hopf T.* The promise of constructivism in international relations theory // *International Security*. 1998. Vol. 23. No. 1. P. 171–200.
- Huysmans J.* Security! What do you mean? From concept to thick signifier // *European Journal of International Relation*. 1998. Vol. 4. No. 2. P. 226–255.
- Krause K.* Critical theory and security studies // *Cooperation and Conflict*. 1998. Vol. 33. No. 3. P. 298–333.
- McSweeney B.* Durkheim and the Copenhagen School: A response to Buzan and Wæver // *Review of International Studies*. 1998. Vol. 24. No. 1. P. 137–140.
- McSweeney B.* Identity and security: Buzan and the Copenhagen School // *Review of International Studies*. 1996. Vol. 22. No. 1. P. 81–93.
- Mearsheimer J.* The false promise of international institutions // *International Security*. 1994/1995. Vol. 19. No. 3. P. 5–49.
- Mitchell A.* Only human? A worldly approach to security // *Security Dialogue*. 2014. Vol. 45. No. 1. P. 5–21.
- Mitzen J.* Ontological security in world politics: State identity and the security dilemma // *European Journal of International Relations*. 2006. Vol. 12. No. 3. P. 341–370.
- Nye J.S.* Collective economic security // *International Affairs*. 1974. Vol. 50. No. 4. P. 584–598.
- Securitization theory: How security problems emerge and dissolve* // Ed. by T. Balzacq. New York: Routledge, 2011. 258 p.
- Security studies: An introduction* // Ed. by P.D. Williams. London: Routledge, 2008. 634 p.
- Shapiro M.J., Aker H.R.* Challenging boundaries: Global flows, territorial identities. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996. 493 p.
- Smith S.* The increasing insecurity of security studies: Conceptualizing security in the last twenty years // *Contemporary Security Policy*. 1999. Vol. 20. No. 3. P. 72–101.
- The culture of national security: Norms and identity in world politics* // Ed. by P.J. Katzenstein. New York: Columbia University Press, 1996. 562 p.
- The return of culture and identity in IR theory* // Ed. by Lapid Y., Kratochwil F.V. Boulder: Lynne Rienner, 1996. 255 p.
- Tschirgi N., Lund M.S., Manchini F.* The security–development nexus // *Security and development: Searching for critical connections* // Ed. by Tschirgi N., Lund M.S., Manchini F. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2010. 449 p. P. 1–16.
- Ullman R.H.* Redefining security // *International Security*. 1983. Vol. 8. No. 1. P. 129–153.
- Wæver O.* Securitization and desecuritization // *On security* // ed. by R. Lischutz. New York: Columbia University Press, 1995. 233 p. P. 46–86.
- Walker R.B.J.* Inside/outside: International relations as political theory. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 233 p.
- Walker R.B.J.* Security, sovereignty, and the challenge of world politics // *Alternatives: Global, Local, Political*. 1990. Vol. 15. No. 1. P. 3–27.
- Walt S.M.* The renaissance of security studies // *International Studies Quarterly*. 1991. Vol. 35. No. 2. P. 211–239.
- Wendt A.* Constructing international politics // *International Security*. 1995. Vol. 20. No. 1. P. 71–81.
- Wendt A.* Anarchy is what states make of it: The social construction of power politics // *International Organization*. 1992. Vol. 46. No. 2. P. 391–425.
- Wolfers A.* "National security" as an ambiguous symbol // *Political Science Quarterly*. 1952. Vol. 67. No. 4. P. 481–502.

WIDENING THE DEBATE ON SECURITY

NIKOLAY YUDIN

Lomonosov Moscow State University, Moscow, 119991, Russian Federation

Abstract

The concept of security plays a pivotal role both in international relations theory and practice. However, despite the fact that different aspects of security problematique have been thoroughly examined in a number of Russian and foreign scholarly works, the very concept itself remains surprisingly understudied. The latter fact not only hinders all attempts to assess the evolution of security studies, their current state and prospects, but also makes it difficult to formulate expedient political strategies and security programmes to counter new challenges and threats. To find the basis for a comprehensive study of the concept of security it may be appropriate to revisit the basic ontological and epistemological foundations of the most influential approaches and theories in the security studies. For this purpose the present paper examines intensive debates on the possibility, acceptability and necessity of widening the concept of security in the post-bipolar world that swept in the Western security studies in the 1990s.

The author comes to the conclusion that these debates are framed by two fundamentally different ways of conceptualizing security – traditional rationalist and postmodernist – with entirely divergent, practically mutually exclusive, assessments of the substantive status of the subject and the object of security, of the possibility acquiring of objective knowledge of international phenomena, and of the aims of security studies in general. Accordingly, the “widening debate” can be outlined on two levels. The first level of the debate encompasses works written within the framework of traditional rationalist approaches ((neo)realism, (neo) liberalism, (neo)Marxism, conventional constructivism). The second level of the debates emerged with the introduction of postmodernist, discursive methods and practices, which provided an alternative understanding of the very basic elements of the international relations theory, its concepts and principles. This level is represented by postmodernist, poststructuralist writings on security, with the theory of securitization serving as probably the prime example of postmodernist research programme.

This version of mapping of different approaches within the security studies may serve as a starting point for further analysis of contemporary concepts of security, clarifying their content and meaning.

Keywords:

international relations theory; security studies; neorealism; liberalism; postmodernism; constructivism; securitization; Copenhagen School; Cold War.

References

- Ashley R.K. (1988). Untying the sovereign state: A double reading of the anarchy problematique. *Millennium – Journal of International Studies*. Vol. 17. No. 2. P. 227–262.
- Ashley R.K. (1987). The geopolitics of geopolitical space: Toward a critical social theory of international politics. *Alternatives: Social Transformation and Humane Governance*. Vol. 12. No. 4. P. 403–434.
- Baldwin D. (1997). The concept of security. *Review of International Studies*. Vol. 23. P. 5–26.
- Balzacq T. (ed.) (2011). *Securitization theory: How security problems emerge and dissolve*. New York: Routledge. 258 p.
- Bartenev V.I. (2015). Svyazka «bezopasnost'–razvitiye» v sovremennykh zapadnykh issledovaniyakh: ot dekonstruktsii k kontseptualizatsii [Security–development nexus in Western bibliography: From deconstruction to contextualization]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 13. No. 3. P. 78–97.
- Booth K. (1991). Security and emancipation. *Review of International Studies*. Vol. 17. Iss. 04. P. 313–326
- Browning C.S., McDonald M. (2011). The future of critical security studies: Ethics and the politics of security. *European Journal of International Relations*. Vol. 19. No. 2. P. 235–255.
- Buzan B. (1991). *People, states and fear: An agenda for international security studies in the post–Cold War era*. Boulder, Lynne Rienner. 311 p.
- Buzan B. (1997). Rethinking security after the Cold War. *Cooperation and Conflict*. Vol. 32. No. 1. P. 5–28.
- Buzan B., Hansen L. (2009). *The evolution of international security studies*. Cambridge, Cambridge University Press. 384 p.

- Buzan B., Wæver O. (1997). Slippery? Contradictory? Sociologically untenable? The Copenhagen School replies. *Review of International Studies*. Vol. 23. No. 2. P. 241–250.
- Buzan B., Wæver O., Wilde J.D. (1998). *Security. A new framework for analysis*. London, Lynne Rienner. 239 p.
- Chandler D. (2007). The security–development nexus and the rise of ‘anti-foreign policy’. *Journal of International Relations and Development*. Vol. 10. P. 362–386.
- Checkel J.T. (1998). The constructivist turn in international relations theory. *World Politics*. Vol. 50. No. 2. P. 324–348.
- Der Derian J. (1993). The value of security: Hobbes, Marx, Nietzsche, and Baudrillard. In *The political subject of violence*. Ed. by Campbell D., Dillon M. Manchester, Manchester University Press. 185 p. P. 94–113.
- Digeser P. (1992). The fourth face of power. *The Journal of Politics*. Vol. 54. No. 4. P. 977–1007.
- Dillon M. (1995). Security, philosophy and politics. In *Global modernities*. Ed. by M. Featherstone, S. Lash, R. Robertson. London, Sage Publications. 292 p.
- Duffield M. (2010). The liberal way of development and the development–security impasse: Exploring the global life – chance divide. *Security Dialogue*. Vol. 41. No. 1. P. 53–76.
- Farrell T. (2002). Constructivist security studies: Portrait of a research program. *International Studies Review*. Vol. 4. Iss. 1. P. 49–72.
- Fierke K.M. (2015). *Critical approaches to international security*. Cambridge, Polity press. 240 p.
- Giovannetti G. (2007). The security–development nexus: *How to bridge the gap between foreign/security policies and development policies*. *Introductory notes*. New York.
- Guzzini S. (2011). Securitization as a causal mechanism. *Security Dialogue*. Vol. 42. No. 4–5. P. 329–341.
- Haftendorn H. (1991). The security puzzle: Theory–building and discipline–building in international security. *International Studies Quarterly*. Vol. 35. No. 1. P. 3–17.
- Handbook of international security and development*. (2015). Ed. by Jackson P. Cheltenham, Edward Elgar Publishing. 475 p.
- Hansen L. (1997). A case for seduction? Evaluating the poststructuralist conceptualization of security. *Cooperation and Conflict*. Vol. 32. No. 4. P. 369–397.
- Hopf T. (1998). The promise of constructivism in international relations theory. *International Security*. Vol. 23. No. 1. P. 171–200.
- Huysmans J. (1998). Security! What do you mean? From concept to thick signifier. *European Journal of International Relation*. Vol. 4. No. 2. P. 226–255.
- Konyshov V.N. (2014). Postpozitivizm o lichnosti kak novom referente bezopasnosti: kriticheskii analiz [Post-positivism about human dimension as a new security referent object: Critical analysis]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*. Vol. 10. No. 1. P. 178–193.
- Konyshov V.N., Sergunin A.A. (2013). Teoriya mezhdunarodnykh otnoshenii: kanun novykh “velikikh debatov”? [International relations theory: On the threshold of new «Great Debates»?]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No. 2. P. 66–78.
- Kopylov A.V. (2015). O genezise i sushchnosti ponyatiya «natsional'naya bezopasnost'» [On the genesis and the essence of the “national security” notion]. *Vestnik Diplomaticheskoi akademii MID Rossii. Rossiya i mir*. No. 2. P. 31–43.
- Krause K. (1998). Critical theory and security studies. *Cooperation and Conflict*. Vol. 33. No. 3. P. 298–333.
- Kul'kova O.S. (2016). Osobennosti politicheskogo diskursa po problemam vzaimozavisimosti bezopasnosti i razvitiya v Evropeiskom soyuze [Political Discourse on Security–Development Nexus in the European Union]. *Moscow University Journal of World Politics*. Vol. 8. No. 1. P. 72–106.
- Lapid Y., Kratochvil F.V. (eds) (1996). *The return of culture and identity in IR theory*. Boulder: Lynne Rienner. 255 p.
- McSweeney B. (1998). Durkheim and the Copenhagen School: A response to Buzan and Wæver. *Review of International Studies*. Vol. 24. No. 1. P. 137–140.
- McSweeney B. (1996). Identity and security: Buzan and the Copenhagen School. *Review of International Studies*. Vol. 22. No. 1. P. 81–93.
- Mearsheimer J. (1994/1995). The false promise of international institutions. *International Security*. Vol. 19. No. 3. P. 5–49.
- Mitchell A. (2014). Only human? A worldly approach to security. *Security Dialogue*. Vol. 45. No. 1. P. 5–21.
- Mitzen J. (2006). Ontological security in world politics: State identity and the security dilemma. *European Journal of International Relations*. Vol. 12. No. 3. P. 341–370.
- Morozov V.E. (2011). Bezopasnost' kak forma politicheskogo: o sek'yuritizatsii i politizatsii [Security as a form of political issues: On securitization and politicization]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No. 3. P. 24–35.
- Nye J.S. (1974). Collective economic security. *International Affairs*. Vol. 50. No. 4. P. 584–598.
- Rykhtik M.I. (2002). Evolyutsiya ponyatiya “bezopasnost'”: ot “zhestkikh ugroz” do “myagkikh vyzovov” [Evolution of the concept of ‘security’: From “hard threats” to “soft challenges”]. In *Sovremennyye problemy*

- mirovoi politiki: Bezopasnost', konflikty i ikh analiz* [Contemporary issues of world politics: Security, conflicts and their analysis]. Ed. by M.M. Lebedeva. Moscow, Aspect Press, 197 p.
- Sergunin A.A. (2005). Mezhdunarodnaya bezopasnost': novye podkhody i kontsepty [International Security: New approaches and concepts]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No. 6. P. 126–137.
- Shapiro M.J., Alker H.R. (1996). *Challenging boundaries: Global flows, territorial identities*. Minneapolis, University of Minnesota Press. 493 p.
- Smith S. (1999). The increasing insecurity of security studies: Conceptualizing security in the last twenty years. *Contemporary Security Policy*. Vol. 20. No. 3. P. 72–101.
- The culture of national security: Norms and identity in world politics*. (1996). Ed. by P.J. Katzenstein. New York, Columbia University Press. 562 p.
- Tschirgi N., Lund M.S., Manchini F. (2010). The security–development nexus. In *Security and development: Searching for critical connections*. Ed. by Tschirgi N., Lund M.S., Manchini F. Boulder, Lynne Rienner Publishers. 449 p. P. 1–16.
- Ullman R.H. (1983). Redefining security. *International Security*. Vol. 8. No. 1. P. 129–153.
- Wæver O. (1995). Securitization and desecuritization. In *On security*. Ed. by R. Lischutz. New York, Columbia University Press. 233 p. P. 46–86.
- Walker R.B.J. (1993). *Inside/outside: International relations as political theory*. Cambridge, Cambridge University Press. 233 p.
- Walker R.B.J. (1990). Security, sovereignty, and the challenge of world politics. *Alternatives: Global, Local, Political*. Vol. 15. No. 1. P. 3–27.
- Walt S.M. (1991). The renaissance of security studies. *International Studies Quarterly*. Vol. 35. No. 2. P. 211–239.
- Wendt A. (1995). Constructing international politics. *International Security*. Vol. 20. No. 1. P. 71–81.
- Wendt A. (1992). Anarchy is what states make of it: The social construction of power politics. *International Organization*. Vol. 46. No. 2. P. 391–425.
- Williams P.D. (ed.) (2008). *Security studies: An introduction*. London: Routledge. 634 p.
- Wolfers A. (1952). "National security" as an ambiguous symbol. *Political Science Quarterly*. Vol. 67. No. 4. P. 481–502.
- Yudin N.V. (2016). Svyazka «bezopasnost' — razvitie»: problemy teoreticheskogo osmysleniya [Security–development nexus: Dilemmas of conceptualization]. *Moscow University Journal of World Politics*. Vol. 8. No. 1. P. 39–71.